

The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Ed. by P. Sabin, M. Whitby, H. van Wees. Vol. I–II. Cambridge–New York: Cambridge Univ. Press, 2007. Vol. I: Greece, The Hellenistic World and the Rise of Rome. P. XIX, 663; vol. II: Rome from the Late Republic to the Late Empire. P. 630.

Военная история античности традиционно относится к числу наиболее популярных тем современного антиковедения. Но в последние десятилетия интерес ученых к данной проблематике особенно возрос, что привело к появлению большого количества монографий и статей. Прогресс, достигнутый в этой области, вызвал к жизни необходимость написания нового обобщающего труда по истории военного дела греко-римского мира, выполненного с учетом последних достижений исторической науки. Решение данной задачи как раз и стало целью рецензируемого двухтомника «The Cambridge History of Greek and Roman Warfare». Этот труд является плодом работы коллектива авторов, признанных специалистов в своих областях науки, а также редакторов и авторов некоторых глав: Х. ван Вееса (профессора древней истории в Университетском колледже Лондона; область интересов – военное дело Древней Греции), Ф. Сэбина (профессора Департамента военных исследований Королевского колледжа Лондона; специализация – римская армия периода Республики и Принципата) и М. Уитби (возглавляет Колледж права и искусств в Бирмингеме; область интересов – военная и политическая история поздней античности и ранней Византии). Все эти исследователи, без сомнения, – ведущие эксперты, обладающие широкой научной эрудицией, так что их участие в качестве редакторов сборника представляется абсолютно обоснованным.

Каждый из двух томов делится на две части по шесть глав каждая. Все части построены по определенной схеме. Вначале рассматривается специфика международных отношений в указанный период. Затем следует рассмотрение чисто военных аспектов: проанализировав вооруженные силы государств, авторы переходят к конкретным исследованиям, посвященным ведению войн и отдельным битвам. Далее рассматривается социально-политический аспект военного дела – его взаимосвязь с государственным, а затем и общественным устройством. В первом томе изложению собственно истории военного дела предшествуют три вводные главы, которые посвящены теоретическим и методологическим проблемам изучения военной истории античности. В конце каждого тома содержатся приложения в виде словаря терминов, хронологических таблиц и списка литературы.

Том I посвящен истории военного дела Древней Греции (начиная от архаического периода) и Римской республики вплоть до времен Гая Мария. В первой из вводных глав – «Современная историография» (с. 3–21) В. Хэнсон анализирует основные тенденции в изучении военного дела античности на протяжении последних двух столетий. В главе «Парадоксы освещения войны в античной литературе» (с. 22–53) С. Хорнблауэр проводит мысль о том, что воззрения современных исследователей на войну как на ключевой фактор жизни античного общества сильно преувеличены. Автор считает, что греки и римляне относились к войне скорее как к состязанию. В защиту этого положения он приводит тот факт, что и в Элладе, и в Риме гражданские институты превалировали над военными. В то же время в милитаристском обществе, напротив, именно военные структуры определяют функционирование государственных (с. 28 сл.). М. Уитби в главе «Реконструкция войны в древности» (с. 54–84) обратил внимание на сложности, возникающие при анализе античной военной истории. По его мнению, главная проблема тут заключается в недостаточной надежности данных, содержащихся в дошедших до нас источниках. Причиной подобного явления были субъективности¹ и дилетантизм большинства тех, кто описывал войны, а также большое влияние риторических штампов (с. 58 сл.). Даже такие компетентные авторы, как Фукидид, Ксенофонт и Цезарь, не были свободны от ошибок и пристрастности (с. 64 сл.). Что же касается археологических и топографических данных, то их роль зачастую ограничена по причине расхищения и разрушения античных памятников и изменения рельефа местности (с. 76).

Первая часть I тома посвящена эволюции военного дела архаической и классической Греции. Дж. Холл в главе «Международные отношения» (с. 85–107) рассматривает эволюцию межгосударственных отношений в архаической и классической Элладе, специфику полисной жизни и основные дипломатические механизмы (с. 86). По мнению автора, суть их определялась постоянными межпо-

¹ Подавляющее большинство войн и сражений античности описаны в источниках, представляющих только одну сторону.

лисными войнами. Эти конфликты были пропитаны агональным духом и часто вызваны соперничеством (с. 90). С течением времени, уже в V в. до н.э., все более отчетливо вырисовывалась тенденция к установлению гегемонии наиболее сильных полисов (прежде всего Афин и Спарты), что постепенно размывало прежние представления.

В главе «Вооруженные силы» (с. 108–146) П. Хант анализирует развитие армии в Греции архаического и классического периодов. Разумеется, основное внимание уделяется эволюции возникшего в то время боевого построения – фаланги. Вместе с тем автор прослеживает и развитие легкой пехоты и кавалерии (с. 117–124). Значительное внимание уделено роли рабов и метеков в армиях полисов. Автор рассматривает содержащиеся в литературе классического периода своеобразные клише, связанные с преуменьшением значения легковооруженных и вспомогательных войск (с. 131). По его мнению, основная тенденция в эволюции военного дела той эпохи заключалась в появлении армий, гармонично сочетающих разные рода войск, а также в росте профессионализации командиров и солдат. П. Хант пришел к выводу, что основы всех тенденций развития, наиболее полно выразившиеся в эллинистических армиях, были заложены еще в предыдущий период.

П. Кренц в главе «Война» (с. 147–185) детально рассматривает ход военных кампаний в классической Греции: порядок маршировки и переходов, сооружение лагерей и повседневную жизнь солдат, виды боевых операций, организацию питания, а также судьбу военнопленных. Такой подход представляется важным и оправданным, поскольку некоторые из указанных аспектов во многих исследованиях нередко оказываются «за кадром».

Исследованию разнообразных сторон сражений в классическую и архаическую эпохи посвящена глава «Битва» (с. 186–247), которая, в свою очередь, делится на две части – «Сухопутные сражения» (с. 186–232) и «Морские сражения и осады» (с. 233–247). Автор первой части, Э. Уилер, полагает, что, хотя битвы классической Эллады проходили в целом под знаком господства фаланги, само это понятие нуждается в некотором уточнении (с. 193). Прежде всего, возникновение подобного боевого построения не было единовременным процессом и завершилось лишь на рубеже VI–V вв. до н.э. (с. 198). Помимо этого, не во всех регионах эллинского мира фаланга была господствующим боевым построением: так, в Этолии войны продолжали сражаться в рассыпном строю (с. 204). Исследователь также критикует сложившийся в науке стереотип, согласно которому фаланге были свойственны неповоротливость и способность действовать только на равнине: это боевое построение часто и успешно сражалось и на пересеченной местности, выполняя задачи, которые в целом не соответствовали его функциям (с. 208). Различалась и тактика фаланги в разных областях Эллады. Спартацы применяли маневрирование, а фиванцы делали ставку на сильный фланговый удар. Наконец, гопплиты часто вступали в индивидуальные поединки. Другой тенденцией в эволюции битв было возрастание роли тактического искусства и централизованного командования, и пример этого – эффективное руководство беотийской армией Эпаминондом: его успехи стали результатом прежде всего компетентного командования и тактического превосходства. Автор не пренебрегает и анализом роли легковооруженных и конницы в битвах (с. 217 сл.).

Вторая часть главы, написанная Б. Штраусом, посвящена осадному делу и флоту, а также исследованию эволюции военно-морской тактики в данный период. Основной его вывод состоит в том, что рубежом в развитии осадного дела была Пелопоннесская война, давшая мощный толчок эволюции осадного искусства. Вместе с тем вплоть до IV в. до н.э. (т.е. до применения осадных машин) преобладала примитивная блокада города. Огромный интерес представляет и предпринятый автором анализ менталитета и повседневной жизни населения осажденных городов (с. 238). Примечательно, в частности, замечание Б. Штрауса о том, что в осажденном городе несколько улучшалось положение женщин и рабов: к ним начинали лучше относиться.

П. Габриэльсен в главе «Война и государство» (с. 248–272) анализирует соотношение частного и государственных факторов в возникновении и ходе межгосударственных конфликтов. Если в архаический период столкновения носили во многом частный характер, будучи нередко одной из форм отмщения за нанесенные личные обиды, то классическая эпоха сопровождалась «деприватизацией» насилия в международных отношениях: она становится функцией и привилегией государства. Власть, авторитет и богатство от частных лиц постепенно переходят к полисным структурам. Все эти перемены приводят к активизации борьбы ведущих полисов за гегемонию в Элладе.

В главе «Война и общество» (с. 273–302) Х. ван Веес проводит идею о том, что в Древней Греции война была, во многом, занятием господствующего класса. Непривилегированные слои общества лишь изредка привлекались к военной службе. На взгляд автора, главными мотивами войн были аристократические чувства соперничества и чести, а также жажда обогащения и власти (с. 288–291)².

² Важно отметить, что тематика данной главы несколько перекликается с главой из введения, также написанной Х. ван Веесом. Проблема войны в классическую эпоху автор посвятил в 2004 г. специальную монографию. См. Van Wees 2004.

Вторая часть I тома посвящена военному делу эллинистического мира и Римской республики до реформ Гая Мария. В главе «Война и государство» (с. 303–325) Р. Биллоуз анализирует различные аспекты военной и политической жизни эллинистического мира: борьбу монархий за гегемонию и их взаимоотношения с полисами. Особое внимание автор отводит специфике военно-политического развития Римской республики: фециальному праву, типологии договоров, концепции *bellum justum* и т.д. (с. 314–317). Глава завершается анализом дипломатической практики Рима в период экспансии на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Автор делает важный вывод: при всех заимствованиях из практики межгосударственных отношений эллинистического мира римские дипломатические методы и представления все же сильно отличались от греческих (с. 319–324). Р. Биллоуз наглядно показывает это на примере анализа терминов *φιλία* и *amicitia*.

Н. Секунда в главе «Сухопутные войска» (с. 326–356) исследует изменения в военном деле, происшедшие в эллинистический период. Автор рассматривает боевое применение фаланги, кавалерии и легкой пехоты на протяжении указанной эпохи (с. 352–354). Не остается без внимания и такая, обычно не привлекающая исследователей проблема, как «экзотические» подразделения (серпоносные колесницы и боевые слоны – с. 348 сл.), а также попытки перевооружения эллинистических армий на римский манер, осуществленные Антиохом IV и Митридатом VI. Освещает автор и проблему наемников, делая вывод, что в современной историографии роль наемников в эллинистических государствах сильно преувеличена. Другой характерной чертой эпохи Н. Секунда называет упадок кавалерии, что объясняется нехваткой средств³. Значительное внимание исследователь уделяет проблеме военной демографии. По его мнению, эллинистические государства испытывали постоянный дефицит греческих и македонских колонистов для своих армий, а призывать в значительном числе местное население для военной службы они не решались, так как сомневались в его лояльности (с. 331). С другой стороны, Римская республика резко превосходила эллинистические государства в людских ресурсах, что и было главной причиной итогового триумфа квиритов (с. 332–334).

В главе «Военно-морские силы» (с. 357–367) Ф. де Соуза рассматривает применение флота в военном деле эллинистических стран и Римской республики. Он пишет о появлении новых типов судов и отмечает особенности комплектования римского, эллинистического и карфагенского флотов.

В главе «Война» (с. 368–398) Дж. Рот рассматривает эволюцию способов ведения военных кампаний, происшедшую в эллинистический период. Сущность изменений выражалась в усложнении стратегического и тактического планирования походов и битв, в появлении новых методов их ведения, что резко повышало уровень требований, предъявляемых к командиру (с. 369). Концентрация финансовых ресурсов в руках эллинистических монархов позволила увеличить численность армий и улучшить их снабжение. Автор исследует принципы организации военного командования в эллинистических государствах, Риме и Карфагене и приходит к заключению, что именно римлянам удалось добиться наиболее органичного сочетания республиканской формы правления со значительными полномочиями, предоставляемыми военачальникам, и организовать эффективную систему выдвижения и ротации квалифицированных военных кадров (с. 374 сл.). Другой тенденцией, характерной для эпохи эллинизма, было возрастание значения осадного дела. Вместе с тем осады не были популярны среди военачальников по финансовым причинам (с. 384–391). По мнению Дж. Рота, вышеуказанные изменения во многом были следствием так называемой «военной революции IV в. до н.э.».

Глава «Битва» разделена на две части. В первой – «Сухопутные сражения» (с. 399–433) Ф. Сэбин проводит свое исследование в двух плоскостях. С одной стороны, он рассматривает такие традиционные вопросы, как тактика и стратегия войск, а также их развертывание на поле боя. Но помимо этого автор обращает внимание и на явления иного порядка: взаимосвязь психологии сражающихся солдат с продолжительностью битв и соотношение различных факторов, влиявших на исход сражений. В этом нельзя не видеть определенного влияния популярного в последнее время направления в изучении военной истории, как «Облик битвы» (*Face of Battle*)⁴. По мнению автора, именно в битвах

³ Стоит заметить, что в трудах других исследователей содержится несколько иной взгляд на подобную проблему, хотя общая тенденция к уменьшению роли конницы не ставится ими под сомнение (Коннолли 2001, 81; Нефедкин 2007, 293). Вместе с тем причина этого видится прежде всего не в экономических проблемах, а в отсутствии необходимости действий на обширных пространствах Азии (как во время походов Александра Македонского), где без многочисленной конницы сложно было обойтись (Коннолли 2001, 81). В столкновениях между эллинистическими армиями решающую роль традиционно играла фаланга. Примечательно, что в армии Селевкидов, часто воевавшей в Иране и Средней Азии, роль конницы была намного большей, чем в армиях других эллинистических государств (Bar-Kochva 1973, 67–71).

⁴ Сильные и слабые стороны подобной методологии исследуются в статье: Wheeler 2001.

того времени особое влияние приобрели фланговые удары с целью уничтожения вражеской армии (самым ярким примером чему была, конечно же, битва при Каннах). Именно атака с фланга могла привести к деморализации любой армии, причем в этом отношении римские легионы обладали иммунитетом не намного большим, нежели фаланги. Другим ключевым условием успеха было эффективное командование на всех уровнях, начиная от полководца и кончая командирами отдельных подразделений. По мнению Ф. Сэбина, большую роль в сражениях играли также кавалерия и слоны, но их значение заключалось по большей части в психологическом воздействии на противника, а также в преследовании отступающих вражеских солдат.

Во второй части главы, озаглавленной «Морские битвы и осады» (с. 434–459), ее автор, Ф. де Соуза, рассматривает военно-морское дело и осадные операции. Особое внимание уделяется типам кораблей и метательных машин, а также характеристике различных тактических приемов.

В главе «Война и государство» (с. 460–497) Дж. Серрати подробно анализирует связь военного дела с государственным устройством и прежде всего проблему финансирования эллинистических армий. Автор также рассматривает значение военной добычи для бюджета эллинистических государств, причем указывает, что она была более существенна у Селевкидов и Антигонидов, нежели у Птолемеев. Далее Дж. Серрати обращается к вопросу о месте войн в политике эллинистических государств. По его мнению, милитаризация эллинистических монархий хотя и была весьма значительной, но в этом аспекте они были превзойдены Римом, где связь войны и политики была более крепкой, чем в любом другом государстве Древнего мира (может быть, за исключением Спарты). Это осуществлялось посредством всеобщей и обязательной службы в армии. Большую роль сыграло и то, что в Риме для занятия любой государственной должности необходимо было участвовать как минимум в десяти военных кампаниях. Все это накладывало неизгладимый отпечаток на менталитет как рядовых граждан, так и элиты римского общества.

Главу «Война и общество» (с. 498–516) Дж. Лендон посвятил вопросу восприятия военного дела в обществах Рима и Греции. Автор полагает, что для греков главными факторами успеха на войне были хорошая подготовка солдат и тактически грамотное командование, в то время как для римлян главной была доблесть (*virtus*), которую они считали врожденным качеством.

II том посвящен военному делу Поздней Республики и Римской империи, а также Восточной Римской империи вплоть до середины VII в., так как, по мнению авторов, развитие военного дела ранней Византии шло почти исключительно в русле римской традиции⁵. В первой части тома речь идет о военном деле Рима от реформ Гая Мария до конца эпохи Принципата.

В главе «Международные отношения» (с. 3–30) Г. Сайдботт анализирует изменения во внешней политике, происшедшие при переходе от республики к империи. По мнению автора, если во время расцвета Республики в целом наблюдался консенсус между наместниками провинций и центральной властью, то на период кризиса республики множество конфликтов между ними (с. 11). После установления империи ситуация опять стабилизировалась, но теперь наместники провинций стали всецело зависимы от императора, а центр принятия внешнеполитических решений переместился от Сената в императорский дворец (с. 14). Автор рассматривает также дипломатическую практику Рима и влияние на нее традиционных римских представлений. Римляне считали все остальные державы неравными себе, и поэтому они даже предпочитали не отправлять к ним посольства, а всю необходимую информацию получать и передавать через иноземных послов. Примечательно, что римляне требовали от послов других государств высокого аристократического статуса (вплоть до принадлежности к правящему семейству), а в тех редких случаях, когда сами отправляли дипломатические миссии, посланниками были императорские секретари (такое посольство было отправлено при Марке Аврелии к северным племенам) или военные в ранге всего лишь центуриона, как, например, во время посольства в Адиабену при Нерве (с. 20–27).

Главу «Вооруженные силы» (с. 31–75) Б. Ранков посвятил эволюции римской армии в период Поздней Республики и Принципата. По его мнению, заслуги Гая Мария в деле реформирования римской военной организации сильно преувеличены: он – по большей части – лишь довел до логического конца начинания своих предшественников (с. 33). Главной тенденцией того времени автор видит профессионализацию армии, что привело к росту влияния полководцев. Он исследует взаимоотношения Цезаря и Августа с армией (с. 35–38). Их политика заключалась в усилении контроля над своими солдатами и предотвращении роста политического влияния военных. Именно этим объясняется тот факт, что должности легатов и военных трибунов занимали лица, не являвшиеся профессиональными солдатами. Тем не менее это отнюдь не свидетельствует об их некомпетентности.

⁵ Авторы сборника следуют распространенным в современном антиковедении концепциям, согласно которым античная цивилизация продолжала свое существование и после падения Римской империи. Классический пример подобного подхода: Brown 1971.

Автор исследует значение центурионов, бывших настоящим стовым хребтом армии (с. 54–57), и рассматривает роль городских когорт, вспомогательных отрядов и преторианской гвардии. Говоря о вооружении и снаряжении, Б. Ранков приходит к выводу, что в римской армии не было в современном смысле стандартизированной униформы (с. 58).

Э. Голдсуорси в главе «Война» (с. 76–121) исследует типологию военных конфликтов в эпоху Принципата. По мнению автора, их основными видами были: завоевательные войны, карательные экспедиции, подавление восстаний и отражение набегов (с. 82–83). Вместе с тем часто эти типы военных кампаний сочетались друг с другом. Автор подробно анализирует методiku ведения римлянами военных кампаний. Помимо этого, Э. Голдсуорси рассуждает о применимости понятия «Большая стратегия» к войнам эпохи приципата (с. 112–115). По мнению автора, данный термин не является вполне адекватным, так как подразумевает стратегическое продумывание и планирование военных операций во взаимоотношениях между более или менее равными партнерами на международную арену. Вместе с тем, пишет Голдсуорси, подобных соперников у Рима просто не было и оттого большинство войн являлись в той или иной степени локальными конфликтами; даже если они планировались центральным правительством, то конкретные детали разрабатывались наместниками провинций.

В главе «Битва» (с. 122–157) К. Джилливер исследует динамику битв в эпоху империи. Автор рассматривает разные этапы проведения римской армией сражений: развертывание перед боем, непосредственно ход самой битвы (включая анализ роли разных подразделений: легионов, вспомогательных отрядов, кавалерии, легкой пехоты) и события, происходящие после битвы: организация преследования, раздача наград, судьба военнопленных и т.д. (с. 124–133). Говоря о роли флота в военных кампаниях, исследовательница приходит к выводу, что после битвы при Акции его значение в основном сводилось к транспортировке и снабжению войск. По мнению автора, невиданных высот достигло искусство ведения осадных работ, в котором римляне были непревзойденными мастерами, но, несмотря на это, они почти всегда делали ставку на победу в генеральном сражении. Наконец, автор спорит с распространенным суждением, что римлянам не удавалась «малая война»: мелкие рейды и набеги на врага были распространены в римской военной практике в такой же степени, как и генеральные сражения (с. 138). В заключении главы К. Джилливер рассматривает главные факторы, обеспечивавшие военное превосходство римлян в тот период. К ним она относит, помимо таких общеизвестных причин, как превосходство в дисциплине и боевой подготовке, также и способность к любым видам боевых операций, превосходство в ресурсах и отсутствие сильных противников (с. 156 сл.).

Глава «Война и государство» состоит из двух частей. В первой из них – «Военные финансы и снабжение» (с. 158–175) Д. Рэтбон рассматривает проблему финансирования и снабжения римской армии в период Принципата. Анализируются три основных аспекта: солдатское жалование, эволюция снабжения армии, а также роль армии во внутренней политике Римской империи. Если в эпоху Республики снабжение армии оружием и продовольствием осуществлялось частично на собственные средства военачальника, а частично – с помощью частных подрядчиков, то тенденция имперского времени состояла в переходе снабжения в руки государства. Во второй части главы «Война и политика» (с. 176–197) ее автор, Д. Элстон, рассматривает роль армии в политической жизни страны. Исследовательница делает вывод, что в эпоху империи армия стала особым социальным организмом и опорой императорской власти, но, тем не менее, при всем декларировании связи с армией и демонстрации своего уважения к ней, императоры всячески старались уменьшить ее политический вес. Автор исследует также участие армии в социально-экономическом развитии провинций и их романизации на примере анализа папирусов из Фаюма (с. 193) и делает вывод, что роль армии в процессе романизации значительно преувеличена.

В главе «Война и общество» (с. 198–234) К. Адамс рассматривает то влияние, которое войны оказывали на римское общество начиная с конца республиканской эпохи. По его мнению, традиционный взгляд на Пунические войны как главную причину разорения мелких крестьянских хозяйств не вполне верен (с. 202–203). Главной причиной социальных конфликтов в эпоху Поздней Республики была борьба за землю, а ее причиной стала перенаселенность (с. 205). Автор повторяет положения предыдущей главы о том, что ко времени Принципата армия стала отдельной социальной структурой римского общества, и императорская форма правления имела своей целью обуздание ее политического влияния. С другой стороны, перестав быть самостоятельной политической силой, армия стала силой, возвышающейся над обществом и угнетающим его (с. 223–227).

Вторая часть II тома посвящена военному делу Позднего Рима и Ранней Византии. М. Хамфриз в главе «Международные отношения» (с. 235–269) анализирует дипломатию Поздней Римской империи. По его мнению, данный период характеризовался возрастающей ролью дипломатии во внешней политике империи. Это было вызвано, с одной стороны, внутренним ослаблением империи (прежде

всего, экономическими проблемами и истощением людских ресурсов) и, с другой – усилением ее врагов (с. 238–241). Автор исследует практику отношений с государством Сасанидов и различными «варварами», а также восприятие римлянами этих народов (с. 242–246). М. Хамфриз рассматривает также механизм сбора информации и принятия решений, а также влияние христианства на идеологию римской внешней политики, и считает, что римская имперская идеология быстро и эффективно адаптировала христианскую религию к своим нуждам, и поэтому основы для формирования изощренной и высокоэффективной византийской дипломатии были заложены именно в тот период (с. 268).

В главе «Вооруженные силы» Х. Элтон (с. 270–310) рассматривает внутреннее устройство позднеимперской армии в IV–VII вв. н.э. и считает, что организация и вооружение войск Рима и ранней Византии на протяжении этого периода не претерпели особых изменений. Особенностью данного периода было появление во главе армии профессиональных офицеров (с. 286). Х. Элтон считает, что на протяжении всего данного периода армия отличалась эффективностью на поле боя. Опровергает он и расхожие утверждения о варваризации вооруженных сил Поздней Империи (с. 299). Автор придерживается точки зрения, что гибель Римской империи была вызвана не падением боеспособности ее армии, а социально-экономическими и политическими причинами (с. 304–307).

В главе «Война» (с. 311–341) М. Уитби исследует военную стратегию IV–VII вв. н.э. Главную особенность этого периода исследователь видит в резком преобладании оборонительных войн над наступательными. Если раньше римляне сами решали, где, с кем и когда воевать, то теперь им оставалось лишь защищаться (с. 319). Огромное значение приобрело строительство крепостей, которые имели ярко выраженное оборонительное значение и сильно отличались от легионных лагерей эпохи Принципата, бывших опорными пунктами для дальнейшей экспансии (с. 328). При этом автор делает любопытное наблюдение, что часто наибольший вред империи наносили не самые сильные противники (например, вандалы или бургунды). В то же время успехи таких могущественных врагов, как гунны и персы, были довольно умеренными (с. 316).

Ф. Рэнс в главе «Битва» (с. 342–378) высказывает предположение, что организация и тактика римской армии в IV–VII вв. н.э. претерпели незначительные изменения, продолжая базироваться на традиционных римских началах; об этом свидетельствует, к примеру, «Стратегикон» Маврикия (с. 347–348). Ф. Рэнс критикует распространенную точку зрения, согласно которой, уже в тот период кавалерия стала главным родом войск (с. 353 сл.). Автор считает, что лишь к VI в. н.э. установился некий паритет между пехотой и конницей, но даже тогда исход сражения зависел больше от пеших воинов. Не произвело революции (во всяком случае, в тот период) даже изобретение стремян (с. 358). Единственным существенным изменением было возрастание роли осад и «малой войны». Но даже это, считает автор, не отразилось на традиционной способности римлян побеждать в генеральных сражениях.

В главе «Война и государство» (с. 379–423) Э. Ли проводит положение о возрастающей милитаризации империи. Армия стала главной опорой власти. Примечательно, что в период Домината в официальной пропаганде император обязательно изображался в военном обмундировании (с. 386). Это относилось даже к тем императорам, которые абсолютно не имели военного опыта и почти все время проводили во дворце (ярким примером этому являлись Гонорий и Аркадий). С другой стороны, рост политического влияния армии нередко приводил к военным узурпациям. Констатируя тот факт, что узурпации были более успешны и многочисленны на Западе, чем на Востоке, автор объясняет это большей сплоченностью гражданской элиты и разобщенностью военного руководства на Востоке (с. 390–398). В конце главы Э. Ли касается такого общего вопроса, как причина падения Западной Римской империи (с. 413–423). По его мнению, падение было вызвано, прежде всего, соперничеством внутри военной элиты, а также стечением неудачных обстоятельств (усилением миграций варваров, потерей Северной Африки и некомпетентными правителями).

В заключительной главе «Война и общество» (с. 424–458) Э. Фиар анализирует социальную роль армии. Основная идея главы состоит в том, что армия стала орудием подавления общества (с. 427–431). Автор рассматривает различные аспекты взаимоотношений солдат с населением: их участие в сборе налогов и подавлении восстаний, а также мародерство (с. 433–441). Значительное внимание отведено и изображению солдат в литературе Поздней античности.

Давая общую характеристику этому труду, следует признать, что авторы сборника в целом успешно справились с заявленной ими в самом начале труда крайне сложной задачей – представить комплексную и сбалансированную картину развития греко-римского военного дела. Авторы не стремятся показывать военное дело преимущественно с культурологических позиций⁶. С другой стороны, в сборнике отсутствует тенденция сводить военную историю к анализу сражений и кампаний. Военная история представлена с учетом влияния самых разных факторов – как военно-политических,

⁶ Пример подобного подхода: Chaniotis 2005.

так и социокультурных. Стоит также отметить, что это первое со времен Г. Дельбрюка⁷, а также Й. Крамайера и Г. Фейта⁸ исследование, охватывающее военную историю Древней Греции и Рима во всей ее хронологической полноте⁹. В целом удачной является и внутренняя структура каждого из томов. Хорошим подспорьем для читателя являются и приложения: библиография, хронологические таблицы и словарь основных терминов.

Вместе с тем данный труд не свободен от некоторых недочетов и спорных моментов. Несколько односторонней представляется та точка зрения, что для римлян главными составляющими успеха на войне была психологическая устойчивость, а для греков – тренировка и рациональное планирование. Подобная концепция находится в противоречии с воззрениями некоторых древнегреческих авторов. Например, Ксенофонт считал, что победу в битве приносит превосходство в боевом духе – ταῖς ψυχαῖς ἐρωμενέστεροι (Xen. Anab. III. 1. 42; похожие взгляды: Суг. III. 3. 19; 25–27; Hell. IV. 4. 9–12; 5. 13–17; V. 4. 42–45; VII. 1. 31; 2. 22–23). Он подчеркивал, что главную роль в победе играет уверенность солдат в успехе – θάρσος (Xen. Anab. III. 1. 39–41; Hell. VII. 4. 24; Суг. I. 6. 13) и εὐθυμία (Xen. Anab. III. 1. 39–41; Hell. VII. 4. 24). Схожие идеи содержатся и в произведении Фукидида в изложении речи Брасида у Амфиополя. В качестве факторов успеха этот лакедемонский военачальник перечислял твердую решимость, чувство чести и повиновение начальникам – τοῦ καλῶς πολεμεῖν τὸ ἐθέλειν καὶ τὸ αἰσχυρεῖσθαι καὶ τὸ τοῖς ἀρχουσι πείθεσθαι (Thuc. V. 9. 9). Таким образом, у нас есть основания предполагать, что представления о решающей роли психологического фактора в сражении были широко распространены не только в Риме, но и в Элладе.

Помимо этого, недостаточное внимание авторы уделили военному делу Рима в период до Пунических войн. Данная тема представляется важной прежде всего с учетом того, что многие особенности римской военной системы были заложены именно в тот период.

Спорным представляется и суждение о том, что в эллинистическую эпоху осады были редким явлением по причине их дороговизны. Этот фактор, конечно, имел место, но общеизвестно и то, что в эллинистический период финансовые ресурсы монархов резко увеличились¹⁰; соответственно этому, резко возросли количество и качество осадной техники¹¹. Но, несмотря на это, ориентировка на решение исхода войны в открытом сражении продолжала преобладать, в чем, пожалуй, следует видеть порождение агонального духа, унаследованного от классического периода.

В главах, написанных Ф. Рэнсом и К. Джилливер, недостаточное внимание отводится проблемам мотивации и боевого духа солдат. Авторы сводят моральный фактор к проблеме военного командования, мало обращая внимание на систему наказаний и поощрений, esprit de corps и т.п. Наконец, стоит указать на один недостаток в структуре труда – главы «Война и общество» и «Война и государство» содержат частые повторы, что и неудивительно ввиду чрезвычайной близости рассматриваемых тем. В связи с этим нам представляется, что в данном случае оптимальным вариантом было бы объединение двух упомянутых глав в одну, посвященную внутриполитическому и социальному аспекту военного дела.

Впрочем, все вышеуказанные недостатки не отменяют нашего положительного отношения к данному труду. Как бы то ни было, даже с учетом вышеперечисленных недочетов и спорных моментов, рецензируемый двухтомник является знаменательным событием в изучении военного дела Древнего мира и будет незаменим для всех, изучающих военную или политическую историю античности.

Литература

1. Дельбрюк Г. 1997: История военного искусства в рамках политической истории. В 4-х томах. СПб.
2. Коннолли П. 2001: Греция и Рим: эволюция военной истории. М.
3. Нефедкин А.К. 2007: Конница эпохи эллинизма: военный и социальный аспект. Дис. ... д.и.н. Ставрополь.
4. Austin M. 1986: Hellenistic Kings, Wars and the Economy // Classical Quarterly. 36, 450–466.

⁷ Дельбрюк 1997.

⁸ Kromayer, Veith 1903–1907.

⁹ П. Коннолли (2001), несмотря на заявленную цель дать полную картину развития античного военного дела, сосредотачивается по преимуществу на рассмотрении Греко-Персидских и Пунических войн, уделяя основное внимание анализу военных операций.

¹⁰ Об этом см. Austin 1986.

¹¹ Garlan 1973, 19.

5. *Bar-Kochva B.* 1973: The Seleucid Army. Cambr.
5. *Brown P.* 1971: The World of Late Antiquity. L.–N.Y.
7. *Chanotis A.* 2005: War in the Hellenistic World. Oxf.
8. *Garlan Y.* 1973: Cités, armées et stratégie à l'époque hellénistique d'après l'oeuvre de Philon de Byzance // *Historia*. 22. 1, 16–33.
9. *Kromayer J., Veith G.* 1903–1907: Antike Schlachtfelder. Bd I–II. B.
10. *Van Wees H.* 2004: Greek Warfare. Myths and Realities. L.
11. *Wheeler E.L.* 2001: Fire Power: Missile Weapons and the «Face of Battle» / Roman Military Studies (Electrum. Vol. 5) / E. Dąbrowa (ed.). Kraków, 169–184.

Е.Г. Тейтельбаум,
кандидат исторических наук,
независимый исследователь (Казань)